

НОВАЯ ГАЗЕТА

КОММЕНТАРИЙ • ОБЩЕСТВО

Секс во имя идеи

О проблемах любви и демографии с точки зрения
национального менталитета

Фото: Александр Манзюк / Коммерсантъ

13:34, 8 ноября 2025,

Елена Янушевская

кандидат философских наук

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

В пылу борьбы за демографию российские чиновники предлагают инициативы, одна другой эксцентричнее, продвигают семейные ценности, сдувают пыль с «Домостроя», бичуют немарьяжное поколение зумеров (как будто те крайние), а между тем проблема демографических кризисов в России уходит вглубь истории и связана с базовыми чертами русского менталитета.

Чтобы понять, в чем заключается эта связь, достаточно выделить комплекс идей и философем, наиболее часто воспроизводимых в российском культурном дискурсе, ведь именно философия является квинтэссенцией культуры, тогда как ментальность, менталитет — базой для формирования языка и типов культур.

Как в западной, так и в русской философии вопросы половой любви отнюдь не обойдены вниманием. Можно назвать плеяду выдающихся философов, посвятивших этой проблеме (что есть любовь?) отдельные блистательные страницы или целые сочинения, а у кого-то, как, например, у Августина Блаженного, до мурашек пробирает единственный на всю «Исповедь» патетический абзац в начале книги. В нем он вспоминает, как в юношеские годы любил любовь, еще ее не зная, и искал кого бы полюбить...

Артур Шопенгауэр, Ортега-и-Гассет, Макс Шелер, Владимир Соловьев, Василий Розанов, Б.П. Вышеславцев, Ролан Барт...

И, конечно, первым в этом ряду должен быть назван Платон, чья концепция любви, переходящая в философию творчества в его великом диалоге «Пир», стала краеугольным камнем европейской культуры.

Соответственно, можно предположить, что

вопросы семейной жизни и деторождения также интересуют философов. Но нет, увы. Нельзя не признать, идеологам демографической «пятилетки» в России взять на вооружение у них, за редким исключением, было бы нечего.

Изначально философский взгляд на любовь связан с онтологическим дуализмом, возникшим в философии Платона. Платон, как известно, поделил мир на идеальную и материальную реальность, как они связаны рационально, не объяснил, но ввел идею Мировой Души, их объединяющей и которой причастны души всех смертных существ.

Платон на фреске Рафаэля Санти «Афинская школа»

Читаем в диалоге «Федр», чему же служит «священное безумие» (то есть влюбленность), даруемая людям Эротом. Платоническая любовь — одухотворенная эротическая любовь — дает возможность душе окрылиться во время ее заточения в физическом теле и вернуться в мир идей.

Разумеется, не стоит заикливаться на гомоэротических предпочтениях древних греков, конечно, ошибочно считавших женщин существами, пригодными только для размножения. Важнее мысль, которую Платон позаимствовал у древних орфиков: тело — темница для души, а воплощение в земной жизни — трагическая случайность.

Еще важнее то, что, назвав влюбленность одним из видов «священного безумия», по сути, Платон совершил открытие продуктивнейшего состояния головного мозга.

Ведь истинная любовь, по Платону, — это любовь к прекрасной душе, а лучшее, что рождается от такой любви, — духовное творчество.

Сформулировав эту важнейшую для европейцев идею, философ, по сути, обосновал отпадение идеи любви от идеи здравого смысла и утилитарной (родовой) целесообразности. И если впоследствии образ платонической любви сливается в романтической литературе с идеей невозможности воплощения любви как таковой (кстати, поводом к этому была не философия, а печальный личный опыт романтических авторов вроде Гофмана и Новалиса), то в христианской церкви, взявшей на вооружение платоновский идеализм, тем не менее вопрос решался иначе — с точки зрения долга. Это, конечно, очень упрощающая интерпретация, и предпосылкой для нее,

конечно, является христианская литература, а не канонические Евангелия, касающиеся темы семьи и брака только в истории о том, как Иисус благословил брак в Кане Галилейской.

В целом вопросы сексуальной культуры с религиозным пафосом христианства, разумеется, несовместимы, а представления о принципах взаимоотношения полов восходят к текстам апостола Павла и другим раннехристианским авторам, поставившим на повестку разработку основ христианской жизни.

Понимание этих основ было предопределено особенностями жизни людей при феодализме в условиях крайне скудных научных знаний об устройстве мира и человека. Какие-то из этих представлений для сегодняшних людей уже лишены смысла, какие-то остаются актуальными и сегодня.

Культурологи, в принципе, отмечают, что шаг к моногамии ознаменовал выход человеческой цивилизации на новый уровень. Этот принцип прекрасно воплощен в понимании брака как священного союза, а не сделки.

А вот название мужа и жены «единой плотью» из сегодняшнего дня видится скорее ограниченным, так как ничего не говорит о возможности духовного союза между мужчиной и женщиной.

Фото: Елена Вах / Коммерсантъ

И тем не менее как бы ни пытались в сегодняшней России слить воедино патриархат и христианство, евангельские тексты однозначно преодолевают характерную архаическую мизогинию. «Благое начало создает порядок, свет и мужчину; дурное начало создает хаос, мрак и женщину», — вопреки этому пифагорейскому изречению именно женщин изображает Евангелие как ближайшее окружение Христа, к которому он неизменно благоволит.

Стоит отметить, что характерный для христианства акцент на аскетизме, моногамии и целомудрии как обязательных требованиях в немалой степени проповедовался как часть мировоззрения, противопоставляющего себя оскотинившейся римской античности в период упадка империи, а также жизненным принципам Ветхого Завета.

Если говорить о Древнем Море, существенно отличается подход

к вопросам пола у древних индусов. В индийской культуре, одной из древнейших, сложился, как известно, целый пласт знаний, сформулированных в форме сутр, которые касались самых разных сторон жизни.

Одной из них и является небезызвестная Кама — Камасутра автора Ватсьяяна, написанная в III–IV вв. нашей эры и предназначавшаяся, в том числе, в помощь супругам, дабы совместный путь, длиною в жизнь, не был унылым и однообразным.

Стоит признать, что подобный подход к человеческой телесности вообще и сексуальности в частности, основанный на плюралистическом взгляде на мир, выглядит куда более здоровым, чем сформировавшийся в период Средневековья взгляд на человеческое тело как источник «скверны».

В результате секуляризации в эпоху Ренессанса такой взгляд был преодолен в светской культуре, а с развитием науки в более позднее время в Европе религия окончательно утратила тотальный контроль над всеми сторонами человеческой жизни.

Рассматривая христианство не с точки зрения ортодоксии и церковного официоза, а как широкий культурный пласт, включающий религиозную философию, тотального единства в трактовке вопросов пола мы, конечно, не обнаружим. Каков поп — таков приход. Все зависело и зависит от личного гуманизма и гуманитарной культуры конкретного религиозного автора или проповедника, трактующего тексты Священного Писания.

По этому поводу можно привести показательный эпизод из

романа Ги де Мопассана «Жизнь», в котором религиозный фанатик затоптал каблуками новорожденных щенков — как плод «греха», в то время как его предшественник (дело происходит в провинции, в поместье «Тополя») без лишних наравоучений старался поженить «провинившиеся» пары парней и девушек.

Важно отметить, что философское осмысление любви в философии идеалистической направленности лишь на первый взгляд (хотя здесь и была дана подобная формулировка) уводит от насущных нужд социального бытия, требующего биологического воспроизводства масс для поддержания экономики. Экономическая составляющая, безусловно, является базовой, но социальная жизнь не сводится к экономическим связям. И в этом контексте неплохо бы понимать, что вся идеология любви в религиозной философии была тесно связана со специфически христианской идеей Нового человека, который и является целью истории в христианстве. Он являет собой главный метафизический проект, на котором зиждется европейская цивилизация. Суть его в приближении к образу абсолютной личности Христа, олицетворяющего собой, будучи одним из лиц Троицы, любовь в ее универсальном смысле. Отсюда и проистекает широко известное высказывание Августина Блаженного: «Возлюби — и делай что хочешь». Иными словами, если для человека целью его поступков является Царство Божие, то такие поступки имеют положительный духовный смысл.

Фото AP / TASS

При этом образ этот достижим только в результате интенции к слиянию в одну личность мужского и женского личных космосов. На этом и строятся отношения в семье, а не с точки зрения подчинения и долга.

О том, что целью брака должно с неизбежностью стать деторождение, у христиан речи отнюдь не идет: как Бог даст. Поэтому и невозможность иметь детей у одного из супругов не является поводом для развода.

В противном случае мы имели бы дело с ветхозаветным нарративом в духе: больше наложниц — больше потомства. Однако это совершенно не христианская история, хотя в ситуации демографического кризиса, возможно, весьма

полезная. Неслучайно в медийном пространстве не так давно мелькнул образ многоженца и многодетного самца с козлиной бороденкой. (Многодетным отцом назвать это «явление народу» язык не поворачивается.)

Так вот. В отношении ветхозаветной установки на бурную репродуктивную активность любовь, как мы ее понимаем сегодня, находится в полной противоположности и восходит, как уже стало, думаю, понятно к Платону.

Суть любви заключается в том, что любящий желает быть продленным в детях только с конкретным человеком, со своим избранником (избранницей) и ни с кем другим. Со своим «идеальным человеком».

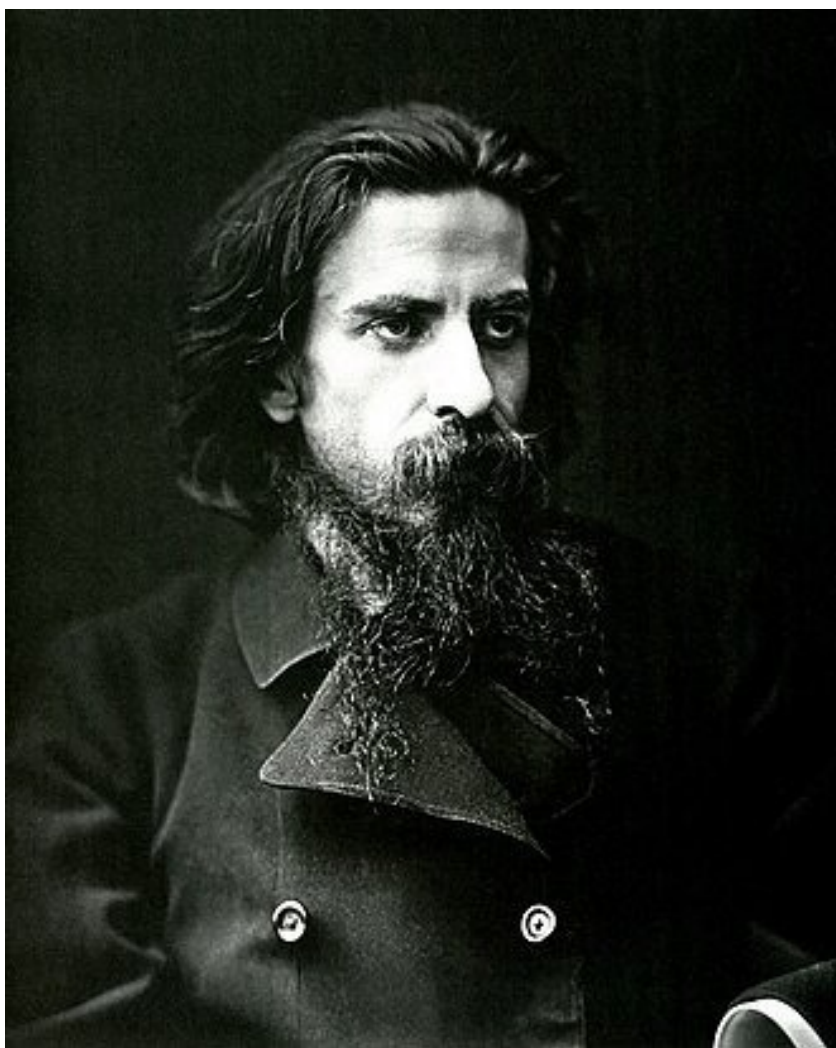
Если уж совсем упрощенно смотреть на подобные вещи: эротическую любовь можно определить как желание заниматься сексом только с конкретным человеком, тем она и отличается от любви к сексу как виду приятного времяпровождения или секса как способа преодоления демографических кризисов.

Можно еще упомянуть, что, по сути, установив связь между любовью и творчеством, Платон предвосхитил учение о сублимации Зигмунда Фрейда, но в данном контексте это не представляет интереса.

Значительней другое. В своем эссе «Жизненная драма Платона» Владимир Соловьев, сделавший переводы Платона на русский язык и, кстати, получивший имя «Русского Платона» и звание первого собственно национального русского философа, описывает уровни духовной эволюции в соответствии с тем

проявлением любви, на которое способен человек.

Высшая — когда он становится Богочеловеком и преодолевает физическую смерть, подобно Христу. Его способность к любви, соответственно, возвышается до альтруизма.

Владимир Соловьев. Фото: Википедия

Также важно отметить, как смыкается мысль двух совершенно разных философов — Владимира Соловьева и Михаила Бахтина, если посмотреть на проблему любви в парадигме отношения Я к Другому.

В философии Бахтина одним из ключевых понятий является

поступок, определяющий человека гораздо больше, чем отвлеченные идеи, потому что именно в поступках проявляется то, что для человека ценно не на словах. И именно определенный образ жизни, то есть совокупность действий, по Соловьеву, приводит человека к Богочеловечеству. Это то, на что, с его точки зрения, оказался неспособен Платон, возвысивший любовь только в своей философии. В поступке же смыкается материальное и идеальное, преодолевается онтологический раскол. Самым значимым проявлением любви, бесспорно, является поступок.

Однако это именно то, с чем у русского человека большие проблемы.

И это та черта русского национального характера, которая очень явно определяет и наши сексуальные стратегии, если судить, по крайней мере, по русской классической литературе. Впрочем, идеалистичность и космизм, воспринятые из европейских источников, так же как чрезмерная мечтательность, — это общие места истории русской культуры.

Так что в постель во имя идеи — это очень по-русски. «Во имя идеи» — это ведь не во имя любви и не по поводу гедонизма. Не ради конкретного человека, иными словами. Один из видов такого общественно полезного предприятия — деторождение. Ради приумножения, так сказать, «популяции».

Но русский народ — абсурдист.

Здравомысленные идеи его не волнуют. То, что его вдохновляет, имеет мало общего с житейски полезным. Будоражающие его идеи если не бессмысленны, то эксцентричны. «Преодолеть пространство и простор!» — это вам не какая-

нибудь там демография.

К началу XIX столетия немцы выдвинули романтическую идею, выжали из нее в культурном плане все, что могли, и успокоились. (Не только немцы, конечно, но и принявшие идейную эстафету англичане и прочие европейцы и так далее вплоть до США с Эдгаром По.) Русские же — в своем обычном порыве за край, за пределы до беспредела — довели ее до абсурда. Я имею в виду свойственную русскому человеку тоску по бесконечности, при мысли о которой все представляется мелким, ничтожным, включая наведение насущных порядков по месту жительства. Все недостижимое возводится в ранг наиценнейшего, а остальное воспринимается как не стоящее внимания.

Фото: Тофик Шахвердиев

Наклонности эти имеют продолжение у русских и в сфере

интима.

Так у нас все и кончается, не начавшись, а порождаются только утопии и мировая тоска.

А великая любовь вообще должна быть трагедией — трагедией и искупляется все «плотское» в ней, человеческое: откройте русскую классическую литературу.

Взять хотя бы героев, выведенных Тургеневым в период освободительного движения в России. Рудин, Базаров, кто там еще... Как дело доходит до самого главного — один заболел, другой и вовсе умер, не добившись благосклонности помещицы Одинцовой.

Как следствие, совершенно закономерно, наша история — это история демографических кризисов. Мы то и дело спасаем Европу, прикрывая ее собой от монголо-татар, турок... первыми летим в космос...

Но больше всего мы тоскуем по Абсолюту.

Поиск смысла, обоснование того, что и без основ, прекрасно, — вернейший признак упадка, а русская нация всегда существует как бы на грани. Ей нравится. Но это другая тема.

Русский народ не может, коротко говоря, размножаться бессмысленно и беспощадно. И не потому опять же, что у нас зима холодная, большие расстояния, полицейские режимы и

борьба за свободу. У нас идея убивает пол.

Русский человек в одном из типичных своих проявлений метафизичен до самых что ни на есть печенок. В Европе Фауст сто лет как не актуален. Времена изменились, люди стали благополучнее, приземленнее, метафизические вопросы не в моде даже у философов. Иван Карамазов жив у нас как никогда. Ныне он, правда, вполне себе человек из подполья. Он не востребован разросшейся массой российских мещан, но вполне себе здравствует, завалившись за печь где-нибудь в социальных медиа. Там он и бьет в колокол: «что делать?» и «кто виноват?». «За какие-то вшивые госдотации выпускать на свет человека, чтоб он губил печень вечными вопросами и плохой водкой?»

Не обусловлена, видимо, низкая рождаемость в России экономически, иными словами.

Вспоминаются усилия государства поправить дело социальной рекламой на фоне роста цен на нефть и зимней Олимпиады в Сочи.

Один из типичных примеров. На рекламном щите женщина богатырского облика («коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...») водрузила свое потомство в количестве трех душ на свое мощное бедро в штанине в какой-то невеселый цветочек. Все в ней — и блеклый макияж, и в целом несексуальный вид — противоречит гламурным красоткам, сияющим на соседних плакатах с рекламой, и как будто упрекает их в том, что вместо исполнения святого биологического долга они предаются SPA-процедурам, шопингу, йоге, самовыражению и прочим буржуйским радостям.

Впрочем, попытки властей пропагандировать «традиционные ценности» остроумнее, чем «материальные стимуляции». Но что тут сказать. Каково бы было чиновнику, если бы его

угостили тухлым яйцом?

Именно с ним хочется сравнить странный гибрид из дореволюционного православного патриархата с пережитками кодекса советских строителей коммунизма, подаваемый под видом «национальных скреп».

Фото: Глеб Щелкунов / Коммерсантъ

Спасение русской нации от вымирания произойдет только тогда, когда в ее жизни будет главенствовать гуманизм. Когда русский человек будет чувствовать, что он творит великое дело, а не увеличивает объем биомассы. А для того, чтобы творить великое дело, русский человек, как всякий человек, должен быть счастливым и вдохновленным. Таким его не могут сделать

всего-навсего материальные ценности.

Круг замкнулся.

Русскому человеку необходимо возрождение идеологии великой созидательной цели. Ради которой можно было бы и в Сибирь, и даже в постель. Так уж и быть. Во имя идеи.

P.S. Последний пассаж, разумеется, дань юмору, доброй иронии и легкой сатире и вовсе не проповедует отказ от продолжения рода по идейным соображениям. Не говоря уже о том, что в жизни человека, пожалуй, не бывает лучше момента, чем тот, когда *Любовь завершается браком.*
И свет воссияет над мраком. (Давид Самойлов)

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Формуляр любви](#)

Стимулирование рождаемости всегда ведет к обратным результатам, и чем щедрее господдержка, тем ситуация хуже

15:23, 5 сентября 2025, Алексей Семенов-Труайя